

Любые страхи, что достигнув цели, Котов разочаруется тем, что обнаружит в конце пути, полностью улетучились за последние три дня. Последний отрезок пути к миру-кузне Телока сопровождался сенсорной перегрузкой уникальными астрономическими явлениями. Не только звёздные системы вокруг мира-кузни располагались теснее, чем любое виденное Котовом скопление систем, но и пояс Койпера, планетарные тела и поля астероидов в центральной системе двигались по орбитам с такой точностью, словно спроектированные атомным часовщиком.

Система - Котов продолжал настаивать не давать ей имя - включала двенадцать планет, каждая располагалась на равном расстоянии от внутреннего и внешнего соседа. Все имели состав и размеры примерно как у Терры, кроме трёх газовых гигантов в центральном поясе, между которыми в мерцающих завесах выброшенной материи и льда располагались обширные области астероидных полей.

Они напоминали каменные обломки на полу мастерской скульптора, выброшенные части какого-то огромного, но ещё не законченного инженерного проекта. В системе царил такой необычный порядок, что даже Виталия Тихона удалось уговорить отойти от постели дочери для проведения звёздного анализа и составления новых картографических схем. Хотя каждая секунда вдали от Линьи раздражала почтенного астронома, даже он оказался очарован головокружительной ветвистостью системы.

Мостик "Сперанцы", обычно представлявший собой место непрерывных входящих и исходящих потоков бинарного кода, сакральных песнопений и звуков работавших сервиторов, теперь окутывала почтительная тишина. Хотя никто удостоенный членства в Культуре Механикус не верил ни в одно божество кроме Бога Всех Машин, было трудно не задуматься о руке божественного творца в астрономической архитектуре этой звезды и её миров.

Даже солнечный ветер был прекрасен.

Аугмитеры "Сперанцы" обработали вспышки и волны электронов и протонов из верхних слоёв атмосферы звезды, и обычно хаотическое взаимодействие частиц предстало геомагнитной симфонией. Это был водопад идеально модулированных целых чисел, который для неаугметированного уха звучал тихим прибоем на пляже, но для улучшенных слуховых имплантатов Механикус стал гармоничным взаимодействием совершенных чисел, спиральных схем и волновых звуков, столь же красивых, сколь и искусственных.

Голографические проекторы показывали двенадцать миров системы в плавающих завесах света, вместе с позициями флота и поступающими данными от носовых ауспиков "Сперанцы". Проекторы обозначили каждую из планет разными цветами, отображая особые атмосферные, геологические и климатологические системы.

Азурамаджелли проложил астронавигационные курсы для флота Котова таким образом, чтобы вывести "Сперанцу" на нисходящую орбитальную траекторию и получить максимальное удобное защитное положение, но и не демонстрировать открытую враждебность. Все суда двигались в плотном построении, а три оставшихся военных корабля заняли оборонительные позиции. "Дитя Луны" и "Дитя Гнева" прикрывали фланги "Сперанцы", а "Мортис Фосс"

держался в кильватере, готовый открыть огонь. Остальная часть флота Котова, топливозаправщики, вспомогательные суда и перерабатывающие корабли, рассредоточились выше, готовые собраться для обороны при первых признаках угрозы.

Виталий Тихон работал вместе с Азурамаджелли, и хотя при первой встрече его дочь нашла ошибку в расчётах магистра астронавигации, тот выразил глубокое сожаление о ранении госпожи Тихон.

Криптаэстрекс стоял напротив Азурамаджелли и Виталия, благодаря манифольдной связи с носовыми кузнями магоса Тарентека он следил за непрекращавшимися ремонтными работами по всему ковчегу. Несмотря на глубокое недоверие Котова к уступкам Авреему Локку, на которые его вынудили пойти, Криптаэстрекс докладывал, что новое активное сотрудничество Механикус и крепостных уже приносило дивиденды в производительности и эффективности.

Магос Блейлок ходил среди магосов и сервиторов, словно взволнованный учёный на квалификационном экзамене, оценивая их работу, предлагая советы по высшим аналитическим методам или уточняя детали бинарного кода. Наблюдавший за работой фабрикатус-локума Котов заметил здесь нечто большее, чем простую преданность долгу.

Отвлекаясь от любопытного поведения Блейлока, Котов переключил внимание на мир, занимавший центральное положение на обзорном экране. Мир-кузня Телока купался в настолько прекрасном фиолетовом тумане северного сияния, что только последователи Машины могли оценить всю его красоту. Мерцающая корона являлась побочным продуктом невероятно огромного производства энергии в планетарном масштабе. Котов и раньше видел подобный туман вокруг миров-кузниц, но никогда столь яркий и на таком стабильном уровне. Количества производимой энергии было достаточно, чтобы обеспечить мануфактуры, по крайней мере, шести производственных хабов уровня экзактис прима.

Планета была примерно в два раза тяжелее Марса и имела пригодную для дыхания атмосферу. Геологический состав оставался неизвестным, как и что-либо о состоянии поверхности. Первоначальные исследования оказались раздражительно неопределёнными и состояли из противоречивых инфопотоков. Ауспики то показывали планету, старение которой протекало с естественной или немного увеличенной скоростью, то повторяли данные Виталия Тихона с Гипатии со следами геологического регресса. И всё же сколь безумными не казались такие данные, Котов уже почти привык к встречам с необъяснимым. В конце концов, разве Дыхание Богов не переделало Арктур Ультра и не преобразовало её из мёртвой системы в будущем пригодную для жизни?

Побочные эффекты такой головокружительно сложной звёздной инженерии оставались тайной, и пространство, где произошло такое событие, было обязано подбрасывать аномалии в течение многих грядущих веков. И всё же несмотря на то, что разум сумел справиться с когнитивным диссонансом физически невозможных пространственных аномалий, Котов не мог окончательно избавиться от чувства, будто что-то было если и не совсем неправильно, то, по крайней мере, не настолько правильно, как ему хотелось.

Он отбросил неприятные мысли, ощущая растущее волнение в инфотоке, пока ноосферный

значок расстояния приближался к высокой орбите. Как бы Котов не объяснял биологические реакции своего мозга, он не мог подавить чувство, что сюда его привела судьба. Он вспомнил мрачные моменты позора и отчаяния, когда пал второй из его миров-кузниц, и он проклинал Омниссию за то, что тот покинул его. Но это унижительное страдание обернулось обнаружением “Сперанцы”.

Из пепла растоптанной гордыни пришло спасительное понимание, что всё пережитое им на пути служения Богу Машине было испытанием. Отчаяние сменилось надеждой и вновь обретённой преданностью Омниссии.

Именно оно и привело его сюда к невероятным и невообразимым чудесам, вновь связав с прошлым и даровав возможность строить будущее.

Единственным, что портило столь прекрасный момент, было присутствие Галатеи.

Гибридный машинный интеллект бродил по мостику, как охотящийся паукообразный, перемещаясь между завесами света, которые показывали двенадцать планет, и изучая каждую из них. Котов заметил, что изучение было поверхностным, словно Галатея заранее знала, что увидит. Он почувствовал тревогу при виде демонстративной беспечности Галатеи, найдя в её прогулке сходство со странным поведением Блейлока.

Галатея заявляла, что хотела убить архимагоса Телока, но Котов больше не верил этому. Несмотря на все её претензии на человечность и растущую отдалённость от человечности Котова, ложь Галатеи больше не звучала убедительно. Что-то другое лежало в желании машинного интеллекта воссоединиться с Телоком, и эта неизвестная переменная грызла Котова, словно зловредный скрап-код.

Блейлок прекратил прохаживаться среди магосов и вернулся на пост рядом с командным тронem Котова. Группа карликов-сервиторов суежилась возле него, таща шланги и шипящие регуляторы.

- Вы на это надеялись, архимагос? - спросил Блейлок.

Отбросив мысли о Галатее, Котов ответил:

- Это больше, чем я мог надеяться, Таркис.

Блейлок медленно кивнул:

- Должен признаться, что сомневался в мудрости этих поисков. Я верил, что ваши причины были мотивированы гордостью и отчаянием, но теперь, когда мы здесь... я...

Котов посмотрел на фабрикатус-локума, удивлённый нехарактерной для того неспособностью

подобрать слова и откровениями. Он давно знал о сомнениях Блейлока, но полагал, что они ушли после прогулки по молитвенному пути. Лицо Блейлока давно исчезло в механических имплантатах, и по нему было невозможно понять психологическое состояние, но рябь ноосферной ауры ясно свидетельствовала о терзавших магага противоречиях, как у попавшей в бесконечный цикл машины, которая пыталась согласовать два противоречащих диска с доктринами.

- С вами всё в порядке, Таркис?

Блейлок не ответил и Котов собрался повторить вопрос - хотя он прекрасно знал, что Таркис должен был услышать его - и получил ответ, который, пожалуй, ожидал меньше всего.

- Не знаю, - ответил Блейлок с обезоруживающей честностью.

- Не знаете? Мы окружены чудесами, которые ни один жрец Марса не видел тысячи лет, мы у самой цели наших поисков и вы не знаете в порядке ли вы? Вы удивляете меня, Таркис.

- Отчасти проблема именно в этом, - сказал Блейлок, покачав головой, словно избавляясь от какого-то раздражающего кода. - Никто с Марса не был здесь тысячи лет и всё же я чувствую, что это расположение звёзд и планет мне почему-то знакомо.

- Вы чувствуете, что знакомо? - спросил Котов.

- Извините, архимагос, но нет никакого другого слова в моём словаре, которое подходит к ситуации. Я чувствую, что уже видел эти звёзды прежде. И это ощущение у меня не в первый раз.

- Когда оно появилось у вас в первый раз? - спросил Виталий, покинув хаб астронавигации.

- Прямо перед тем, как энергетический выброс с этой планеты достиг "Томиоки", - ответил Блейлок.

- Интересно, - сказал Виталий. - Поскольку я отметил большое сходство в подобном расположении планет и астрономическом/временном взаимодействии с архивной монографией об идеальной звёздной геометрии, загруженной магосом Альхазеном из Сабейского залива. Вашим бывшим наставником и если не ошибаюсь, кем-то вроде евангелистского последователя архимагоса Телока.

Блейлок замолчал, подключаясь к своей внутренней базе данных.

- Нет, вы ошиблись, магос Тихон, - произнёс он. - Я знаком со всеми материалами, переданными магосом Альхазеном в Марсианский Табуларий Монс. Он не предоставлял такой монографии.

Котов разделял удивлённое выражение Виталия.

Как только Виталий упомянул монографию, Котов восстановил её из архивов “Сперанцы” и мгновенно усвоил содержание. Как и следовало ожидать, выдвинутые Альхазеном постулаты оказались близки, а в некоторых случаях идентичны звёздным данным, отображаемым на командном мостике.

То, что Блейлок, похоже, не знал об этом, было настолько близко к невозможному, насколько Котов мог представить.

Прежде чем он сумел получить ответ на этот вопрос, каждый голографический экран на мостике замерцал и погас от входящего сообщения с планеты внизу. “Сперанца” выгружала стандартные запросы и протоколы приветствия Механикус с тех пор как вошла в систему, но до сих пор всё это игнорировалось.

Над каждым голографическим хабом появился вращающийся символ из восьми тел, которые напоминали расплавленные скалы или кружащийся вихрь, который можно было принять за огонь. Котов никогда прежде не видел это изображение, но узнал руку Механикус в его построении, золотое сечение проводило линию через каждый угол фигуры и предавало в целом привлекательно упорядоченную форму.

- Космический корабль “Сперанца”, говорит мир-кузня Экснихлио, - произнёс автоматический вокс. - Приготовьтесь к загрузке данных.

- Из ниоткуда, - сказал Виталий, переводя название на низкий готик.

- Экснихлио, - начал Котов, вставая с командного трона. - Говорит архимагос Котов, верховный лорд Марса и генерал-эксплоратор этой экспедиции. Имею ли я честь обращаться к архимагосу Веттию Телоку?

Котов собрался повторить вопрос, когда изображение извивавшихся фигур сменили сложные навигационные точки, прокладывавшие узкий полётный коридор сквозь насыщенную электричеством атмосферу. Только корабль со сравнительно малым тоннажем сможет совершить полёт по такому коридору, и даже поверхностный анализ данных свидетельствовал, что будет чрезвычайно опасно отклоняться от предписанного пути.

- Посадочные координаты, - сказал Азурамаджелли. - Старый формат, но вполне ожидаемый для мира без гексаматических улучшений.

Котов кивнул, испытывая сильнейшее предвкушение при мысли о том, что ступит на мир-кузнию Телока. Путешествие в феодальное владение другого магоса всегда было очень важным событием, шансом обменяться данными, рассмотреть новые направления в интерпретации технотайн, обменяться услугами и информацией для продолжения поиска знаний. Что он мог узнать на мире архимагоса, свободного от порицаний коллег и ограничений универсальных

законов?

- Архимагос? - спросил Блейлок. - Ваши приказы?

- Отправьте сообщение сержанту Танне, - ответил Котов. - Мне нужен "Барисан".

Все следы пребывания людей в этом месте удалили, и оно вернулось к своему прежнему заброшенному состоянию. Остатки самогонного аппарата Хоука также убрали, а его части выбросили в утилизационные воронки. Люминесцентные сферы в нишах потускнели, и изображения святых окутали тени. Исмаил увёл Авреема в святилище ниже ватерлинии, оставив Тота Мю-32 заканчивать погребение Расселаса X-42.

- Лучше бы Авреем вообще тебя не находил, - произнёс он, кружа вокруг дремлющего убийцы.

Облачённый в чёрное с ног до головы аркофлагеллант сидел в металлическом капюшоне, под гладкой поверхностью успокаивающего шлема мерцал свет, как в неисправной лампе. Картины имперских святых и божественных видений сменяли друг друга пред взором X-42, сохраняя его погружённым в состояние вечного блаженства.

Учитывая истории, которые Тота Мю-32 знал о кровавом правлении кардинала Колосажателя, это судьба оказалась гораздо милосерднее участи его жертв. Мышцы аркофлагелланта подёргивались, когда случайные синапсы вспыхивали и искрились в мозгу, являясь неизбежным результатом удара меча по черепу.

- Интересно, как повлияли ранения на видения в твоей голове? - задался вопросом Тота Мю-32. - В любом случае я надеюсь, что они причиняют тебе боль. Ты должен страдать за свои деяния. И как только этот зал закроют, ты будешь страдать от них до скончания дней "Сперанцы".

Тота Мю-32 продолжил кружить вокруг аркофлагелланта, проверяя, что каждый ограничитель плотно приложен, а каждый успокаивающий соединитель прочно закреплён. Он проверил каждый позвоночный шунт, каждый корковый ингибитор и каждый неврологический блокиратор.

Убедившись, что всё в порядке, он запустил последнюю диагностику успокаивающих механизмов, собираясь удостовериться, что оборудование функционирует в пределах допустимых эксплуатационных параметров. Подключённое напрямую к энергосистеме "Сперанцы" и обладающее многократными резервными системами оборудование сможет сохранять целую армию аркофлагеллантов в состоянии покоя дольше, чем вероятно существует сам ковчег Механикус.

Тота Мю-32, пятясь, вышел из зала, несмотря на все только что предпринятые им предосторожности и проверки он не хотел поворачиваться к киборгу-убийце спиной. Он остановился перед переборкой в дормис-палату, и в этот момент из неё повеяло холодным

воздухом, словно последним вздохом уснувшего хищника, который просто погрузился в зимнюю спячку, чтобы затем снова выйти на охоту.

Расселас Х-42 по-прежнему сидел неподвижно, сгорбленная статуя в клетке убийства и ужаса. Даже во сне он излучал ужасную опасность. Хотя аркофлагеллант просто не мог быстро сломать психические оковы, Тота Мю-32 почти ожидал, что существо на прощание поднимет голову.

Аркофлагеллант дёрнулся и под шлемом замерцал свет.

Тота Мю-32 стукнул рукой по скрытому дверному механизму, и тяжёлая переборка опустилась со звучным лязгом запирающихся замков. В центре двери виднелся засохший кровавый отпечаток ладони и Тота Мю-32 положил на него свою руку, зная, что он принадлежал Авреему.

Этот след вместе с кодовым словом заставил замки открыться и запустил последовательность реактивации Х-42. Тота Мю-32 плюнул на пятно и стал тереть рукавом мантии по отслаивавшейся крови, пока она полностью не исчезла. Бросив последний взгляд на пустой зал, Тота Мю-32 увидел только сотни чёрных металлических черепов вдоль стен. Храм, тюрьма, гробница – каждое из этих слов подходило для погребённого внутри чудовища.

Мерцающий код корчился в стенах, фрагментарные бинарные остатки информации некогда следовавшей сквозь этот зал в неизвестном направлении. Большая его часть деградировала до вопящей тарабарщины, и скоро он снова исчезнет в ноосфере.

Тота Мю-32 повернулся и вышел из зала, оставив люминесцентные сферы светить до тех пор, пока окружающее помещение код наконец-то не исчезнет. Пустые глазницы ухмылявшихся черепов мерцали умирающим кодом, словно только они являлись хранителями тайны, которую хотели рассказать, но поклялись вечно хранить.

Как и Тота Мю-32 они знали, что некоторые двери лучше держать закрытыми.

Но также они знали, что некоторые двери невозможно закрыть навсегда.

Подобно мифическому фениксу “Барисан” восстал из возрождающего пламени сильнее, чем раньше. Полученные на Катен Вениа повреждения почти полностью исчезли благодаря ритуальному богослужению магоса Тарентека и армии его ремесленников. Компрессионные переломы пластин корпуса отремонтировали, повреждения от столкновения с поверхностью устранили, а торсионное скручивание в спинном хребте выпрямили.

Во всех отношениях корабль стал как новый, столь же идеальный, как в тот день, когда его корпус выковали в кузне-комплексе горы Тиррения. Тарентек видел печать генерал-фабрикатора и приложил максимум усилий в восстановлении работы выдающегося марсианского мастера металла и духа. “Барисан” сильно пострадал в катастрофе и дух-машина

превратился в злого и загнанного в угол зверя, но Тарентек, в конце концов, сумел завоевать его доверие высочайшим искусством и преданностью слуг.

Танна чувствовал, как десантно-штурмовой корабль отвечал на каждую команду, словно они летали вместе несколько веков. Нельзя сказать, что они стали единым целым и “Барисан” перестал относиться к нему, как к мелкому биологическому раздражителю, но, по крайней мере, между ними установилось уважение.

- Корабль полностью выздоровел, - произнёс архимагос Котов, сидевший рядом с Танной в кресле второго пилота.

Танна коротко кивнул и ответил:

- Я благодарен магосу Тарентеку за это.

Вид сквозь фонарь кабины представлял собой буйную смесь подёрнутых вспышками молний скоплений облаков и мерцавших геомагнитных бурь, которые сталкивались, взрывались, грохотали и сверкали измученными энергиями. Столбы плазмы и раздвоенные узоры вертикальных молний создавали ощущение, что “Барисан” уклонялся от грозового шквала зенитного огня.

- Это всё равно, что сразу попасть под сто гроз, - сказал Танна, когда растущая волна давления врезалась в фюзеляж.

- Это - не гроза, - заметил Котов, пока Танна выравнивал курс полёта.

- Тогда, что это?

- Неизбежное последствие производства энергии в планетарном масштабе, - ответил Котов, указывая сквозь покрытый полосами влаги фонарь кабины на неподвижно висевшее в небесах огромное и похожее на дирижабль устройство. Вздымающийся корпус объекта окутывали дуги фиолетово-янтарных молний, которые сверкали вдоль толстых металлических кабелей, свисавших с нижней половины дирижабля и напоминавших якоря на цепях, исчезающие в клубящихся облаках заряженного пара.

- Что это? - спросил Танна, когда необычное парящее устройство скрылось за облаками.

- Как мне представляется, это своего рода накопитель энергии, - восхищённо ответил Котов. - Похоже, каждая машина или храм на поверхности планеты производят электроэнергию в невероятных количествах, что и создаёт всевозможные искажения в верхней атмосфере. Подозреваю, Телок открыл способ использовать то, что обычно считалось бесполезными побочными продуктами производства.

- Дыхание Богов требует столько энергии?

Котов ответил не сразу:

- Невозможно знать энергетические потребности того, что до сих пор находится за пределами нашего понимания, - сказал он. - На самом деле меня поражает, что одна планета может обеспечить мощности для чего-то способного к такому невероятному преобразованию материи и энергии.

Новый энергетический разряд покачнул "Барисан", и Танна повернул нос корабля против часовой стрелки, когда пара гигантских дирижаблей поднялась впереди сквозь облака пара. На этот раз их удалось рассмотреть получше, и Танна понял, что они представляли собой немногим больше, чем огромные пузыри ребристых металлических волокон, удерживаемые сеткой, и увешенные медными и латунными механизмами, которые вращались и потрескивали.

Танна направил корабль вниз, спускаясь по спирали и следуя замысловатому маршруту на поверхность. Если бы он лично не видел атмосферные эффекты, то решил бы, что их специально вели как можно запутаннее.

- Должен быть более лёгкий путь к поверхности, - сказал он скорее себе, чем Котову.

- Вы правильно следуете координатам точек маршрута?

Танна даже не удостоил его испепеляющего взгляда:

- Вы уже знали, если бы не следовал, и орали бы на меня.

- Ваше замечание услышано, брат-сержант.

- Координаты точек маршрута верны, но меня беспокоит, что мы обнаружим в конце путешествия.

- Вы подозреваете опасность?

- Я всегда подозреваю опасность, архимагос. Поэтому я ещё жив.

- Если бы Телок хотел убить нас, то мог бы найти способ проще, чем направлять в грозовой фронт.

- Возможно, у него есть причины увидеть нас живыми на поверхности.

- Какие, например?

- Не знаю, - заявил Танна. - Здесь вы Механикус. Это ваша экспедиция.

- Мы - соратники-крестоносцы, брат-сержант, я думал, что вы поняли это, - сказал Котов. - Разве вам не приходило в голову, что я мог взять сколько угодно транспортов Механикус для путешествия на поверхность? Пусть я и загрузил маршрут, который нам прислал Телок, но я выбрал вас, чтобы вы доставили меня на эту историческую встречу, потому что я ценю то, что вы олицетворяете. Вы - Императора, я - Механикус. Два аспекта Империи работают вместе. Наше единство символизирует цель нашего священного путешествия на этот мир.

- И когда направляешься в неизвестное всегда неплохо иметь за спиной отделение Чёрных Храмовников.

- Не без этого, - согласился Котов, и Танна едва не почувствовал такое же волнение, как и главы экспедиции.

Несмотря на все потери, они всё же добрались живыми до места назначения.

Атмосфера стала тоньше, и из облаков появились размытые массивные силуэты: огромные градирни изрыгали ядовитые газы с поверхности планеты, а низкие и широкие трубы выбрасывали в небеса потоки зелёного огня. Дуги статики затрещали в воздухе, словно фейерверки на триумфальном параде, и почти каждая панель ауспика зашипела помехами. Всё больше дирижаблей проплывало мимо "Барисана", они парили сотнями, напоминая цветущих медуз в разбухшем океане. Корабль летел всё ниже и всё больше колоссальных зданий - если это были здания - появлялось из облаков.

Танна увидел высокие стальные конструкции, окружённые кольцами энергии; потрескивающие колонны в сотни метров диаметром и вонзавшиеся в экзосферу пирамиды с основаниями в тысячу миль шириной. Это было похоже на полёт над собранными городами-ульями, которые отбросили индивидуальность и просто слились в одну непрерывную планетарную кору из стали и укрощённого огня. В десятках тысяч метров под "Барисаном" небоскрёбы тесла-трансформаторов соперничали за свободное место среди необъятных силовых куполов и огромных конденсаторных колонн.

Вся поверхность представляла собой сверкавший сетчатый узор из молний, которые вырывались из поднятых медных шаров размером с боевые сферы крутов и протягивались дугами из конических башен, обрамлённых стометровыми шпильями. Потоки света текли сквозь угловатое скопление огромных структур, словно планета была организмом со светящейся кровью. Струйки тёплого дождя побежали по фонарю кабины, пока Танна снижал корабль, следуя недавно появившимся на планшете авионики графическим символам посадочных маяков. Погрешность была минимальной, и Танна понял, что его подозрения о существовании более простого способа достигнуть поверхности оказались ошибочными.

Он указал на огромные башни в форме воронки, вздымавшиеся по обеим сторонам от их курса,

словно направляющие, защищавшие от снега на взлётно-посадочной полосе. Каждую венчала фланцевая пасть, выдыхавшая полные лёгкие облаков и пара.

- Об этих атмосферных машинах вы говорили? - спросил он.

Котов едва мог оторвать взгляд от великолепного зрелища колоссального промышленного города размером с планету и нечеловечески огромных конструкций, между которыми они летели, но коротко кивнул:

- Да, полагаю, что это они, - сказал он. - Видны признаки ранних СШК универсальных трансляторов, и, похоже, они делают воздух пригодным для дыхания. А что с ними не так?

- Эти башни создают стабильный коридор спокойного воздуха для полёта корабля.

- Я снова спрашиваю, что с ними не так?

- То, что этот маршрут создан специально для нас. Сейчас это единственный способ добраться до поверхности.

- И?

- Если эти машины отключить, то мы не сможем покинуть планету.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/658823>